Ли Дунцян сглотнул и мог только продолжать. “Она пообещала мне, что в обмен на свой долг пришлет свою милую сестру, чтобы сопровождать меня в течение нескольких ночей!”

Услышав это, Юнь Тянью уставился на стоявшего рядом Юнь На и долгое время хранил молчание. Его лицо потемнело… до пугающей степени.

“Однако в конце концов ей не удалось это сделать. Что Юнь Шиши забрали люди из семьи Му".

“Семья Му?” Ли Ханьлин на мгновение остолбенел.

Му Яже?

"Он, он, он…” Маленький мальчик вдруг издал несколько жутких смешков.

Его полуприкрытые глаза внезапно широко распахнулись, и они уставились на Юн На. Он уставился на нее так пристально, что его взгляд, казалось, мог пробить в ней дыру.

“Это было вот так, да? Он, он, он…” Он подпер лоб рукой. Его пугающий смех леденяще звенел вокруг, заставляя волосы вставать дыбом.

Юн На никогда раньше не видел его таким. Он всегда был послушным и милым перед ее приемной сестрой, но теперь, когда его фасад был разрушен, его холодность и темнота проявились в полной мере; казалось, что его окружила ужасающая атмосфера гнева. В его серьезных глазах, в частности, были волны безумной враждебности, охватившие их.

“Ты… Над чем ты смеешься?”

"Он, он, он…” Его плечи дрогнули, и он засмеялся еще более маниакально.

Он закрыл глаза и позволил этим неприятным воспоминаниям затопить его разум.

Появились сцены—

Юн На усадил его на кровать и несколько раз злобно шлепнул по каждой части его тела. Она дергала его за уши, и ее зловещий голос постоянно отдавался в них эхом. ‘Ты, ублюдок, давай, плачь; давай, кричи! Твоей мамы сейчас нет дома, так кто же может тебе помочь?! Кто может защитить тебя?!’

Те воспоминания, которые он запечатал, вырвались из своего контейнера под ее подстрекательством, и они непрерывно проносились прямо перед его глазами, как карусель.

"Он, он, он...”

В его слегка дрожащем смехе была часть боли от насильственно вызванных нежелательных воспоминаний.

Головорез покачал головой и вздохнул. “Это неожиданно, что ты готов выплатить ее долг. Вы возвращаете ее неблагодарность добротой? Она причинила такую боль твоей маме, разве ты не ненавидишь ее?”

“Ненависть?” Глаза маленького мальчика внезапно распахнулись, и под их поверхностью промелькнула всепоглощающая враждебность.

Как он мог не ненавидеть ее?

Он ненавидел ее до глубины души.

“Ах, я хотел бросить ее в пруд, чтобы накормить рыб! Я слышал раньше, что она собирается стать актрисой, поэтому я сделал кучу ее обнаженных фотографий! Теперь, когда она изуродована, ее путь к славе отрезан! Так как ты платишь за нее ее долг, я отдам тебе вместо этого эти фотографии!”

Он протянул ему фотографии и снова потянулся за чеком в руке агента.

Агент мрачно схватил его за запястье, и он вообще не мог пошевелить рукой.

"Почему... ты отказываешься от своего слова?”

“Разве я сказал, что заплачу за ее долг?” Голос Юнь Тянью был полон отчужденности и презрения.

Сердце Юн На снова мгновенно подскочило к горлу. Она думала, что спасена, но почему этот мальчик не соответствует своим словам?

Был ли этот чек изначально поддельным? Не поэтому ли он отказался от своих слов?

Она чувствовала, что находится на эмоциональных американских горках; в один момент она висела высоко, а в другой момент упала на самое дно.

"Только что ты сказал ... ”

Мальчик равнодушно возразил: “Она так многим тебе обязана, а потом ты планируешь бросить

ее в пруд; насколько она жалка?”

Он пожалел свою маму за ее долгие годы страданий, если долг его тети можно было легко списать просто так.

Ли Дунцян предположил, что у него не хватило духу заставить ее страдать, и собирался предложить что-то еще, когда услышал, как Юнь Тянью сказал без сочувствия: “Ты легко отпускаешь ее, просто бросив в пруд!”

http://tl.rulate.ru/book/59036/1623086